

ИСТОРИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ КУЗБАССА

HISTORY OF RELIGIOUS DENOMINATIONS OF KUZBASS

A. Gorbatov
A. Zelenin
V. Ovchinnikov

Summary: The article, based on the systematization of available information and archival sources, first introduced into scientific circulation, reveals patterns and features of the development of religious organizations in Kuzbass in the 17th - early 21st centuries, characterizes the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet stages of the history of religious confessions. It has been proven that the development process and current state of religious organizations in the region, the mechanisms of interaction between state authorities and local self-government with religious organizations, the forms of interfaith and interethnic interaction are determined by the historical experience of state-confessional relations and the traditions of interethnic and interreligious interaction that have developed in the region.

Keywords: religion, church, religious denominations, Kuzbass, Kemerovo region.

27 августа 2018 г. Президент РФ В. Путин подписал Указ о праздновании на федеральном уровне 300-летия открытия Кузбасса. Кемеровская область-Кузбасс - это крупный промышленный субъект Российской Федерации с высокой степенью урбанизации, основную часть структуры производства которого составляют добыча и переработка угля, а также металлургия и химия. Вместе с тем, индустриальный Кузбасс имеет богатую духовную, религиозную историю. На протяжении веков население, как Кузбасс, так и Сибири формировалось как многонациональное и поликонфессиональное сообщество. Религиозные организации и верующие всегда разделяли судьбу народа, совместно преодолевая тяжелые испытания в различные исторические периоды жизни страны. Цель данной статьи - на основе систематизации и обобщения имеющихся сведений, последовательно изложить историю наиболее представленных религиозных организаций в Кузбассе. Обзорный анализ истории конфессий направлен на преодоление противоречий между существующим большим объемом опубликованных научных работ, представляющих результаты исследований, и возможностями их восприятия человеком в условиях постоянно увеличивающегося информационного потока.

Горбатов Алексей Владимирович

Доктор исторических наук, доцент,
 ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
 gorbn1965@yandex.ru

Зеленин Алексей Анатольевич

Доктор политических наук, профессор, ФГБОУ ВО
 «Кемеровский государственный университет»
 aazelenin@yandex.ru

Овчинников Владислав Алексеевич

Доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО
 «Кемеровский государственный университет»
 rpsib@rambler.ru

Аннотация: В статье на основе систематизации и обобщения имеющихся сведений, и архивных источников, впервые введенных в научный оборот, выявлены закономерности и особенности развития религиозных организаций в Кузбассе в XVII - начале XXI вв., дана характеристика дореволюционного, советского и постсоветского этапов истории религиозных конфессий. Доказано, что процесс развития и современное состояние религиозных организаций в регионе, механизмы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с религиозными организациями, формы межконфессионального и межнационального взаимодействия определены историческим опытом государственно-конфессиональных отношений и сложившимися в регионе традициями межнационального и межрелигиозного взаимодействия.

Ключевые слова: религия, церковь, религиозные конфессии, Кузбасс, Кемеровская область.

По мере продвижения русских на восток, в освоении новых территорий участвовали и служители **православной** церкви, возводя в крепостях и острогах (Кузнецком, Верхотомском и др.) в XVII-XVIII вв. христианские постройки культового назначения. В Кузнецком остроге, после его основания в 1618 г., уже через несколько лет, в 1621-1622 гг.) была сооружена деревянная Преображенская церковь с первыми в регионе колоколами. При построенных храмах со временем образовывались приходы. Осуществлялась христианизация коренного населения, способствующая его просвещению. На территории Кузбасса активно действовала Алтайская духовная миссия (осн. 1828 г.) [1]. Исходя из «теории официальной народности», было, по сути, утверждено два основных направления в миссионерской деятельности: распространение христианского вероучения среди аборигенного населения, а также учреждение и обустройство образовательных учреждений. При этом, власти на местах на первом этапе не ускоряли процесс крещения коренных жителей, поскольку не были заинтересованы в снижении числа плательщиков ясака.

С запуском Великого Сибирского пути (Транссиба), бурного развития металлургической, а потом и угольной промышленности в XVIII-XIX вв., а также реализации

аграрной реформы П.А. Столыпина, в Кузбасс, как и в другие сибирские регионы, начался массовый приток переселенцев из губерний европейских. Численность населения стала быстро увеличиваться, что привело как к расширению сети православных приходов, так и появлению новых религиозных организаций на Земле Кузнецкой.

К началу революционных событий 1917 г. в Томском, Кузнецком и Мариинском уездах, которые входили в состав Томской губернии, сформировалась устойчивая структура института РПЦ с приходами, настоятелями и благочиниями (округ епархии, объединяющий группу приходов, находящихся в территориальной близости друг от друга). Приход включал обычно одно или несколько сельских сел и деревень. Традиции православной культуры с ее духовными ценностями, обрядами и ритуалами стали неотделимой частью жизни и быта подавляющей массы населения Кузбасса. В условиях отсутствия земельной стесненности храм выступал как символ общности, единства группы русского населения на определенной территории [2, с. 46].

Старообрядцы, которых в Сибири традиционно называют кержаками, в виде отдельных семейных групп в Кузбассе стали появляться во второй половине XVIII в. - первый половине XIX в. Они селились в малонаселенных районах Горной Шории или предпочтительно подальше от православных храмов [2, с. 198].

Ислам с XVIII в. исповедовали сибирские татары – калмаки, проживающие в Юргинском и Ижморском районах. В конце XIX – начале XX в. на территории Кузбасса обосновались татары-мусульмане, прибывшие из Поволжья, где присутствовал дефицит пахотной земли. Переселенцы также устраивались на работу по найму на строительство и обслуживание железной дороги и горные предприятия (Анжерские и Судженские каменноугольные копи) [3, с. 744].

По данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. в Томской губернии проживали 40201 мусульман (2,01% от общего числа жителей) (из них недавних приезжих – 9 423). Меньшинство (2321, из которых 1812 – приезжие) проживали в городах. В Мариинске и Кузнецке проживали мусульмане, однако особой активности не проявляли. В Мариинске в 1883 г. насчитывалось 290 мусульман (136 мужчин и 154 женщины), в 1905 г. 235 мусульман (135 мужчин и 100 женщин). О существовании в городе мечети или молельного дома в дореволюционный период данных нет, что, вероятно, связано с отсутствием необходимых для регистрации прихода по законодательству 200 душ мужского пола [4, с. 30 - 37].

На рубеже XIX – XX вв. на территории современного Кузбасса действовали и строились мечети. «Ведомости Оренбургского Магометанского Духовного Собрания о

числе мечетей и духовных лиц разных губерний» (1900 г.) указывают на начало 1920-х гг. 12 действующих мечетей.

Представители **протестантских** церквей (баптисты, евангельские христиане, пятидесятники) в виде миссионеров стали прибывать в Западную Сибирь в конце XIX-начале XX вв. О конкретном времени их появления на территории изучаемого региона говорить затруднительно, но можно сказать с уверенностью, что в 1920-е гг. уже существовал ряд религиозных протестантских групп. Так, история кемеровских баптистов началась, согласно информации старожилов общины, когда весной 1919 г. из Новониколаевска (соврем. Ново-сибирск) в г. Щегловск (соврем. Кемерово) прибыл пресвитер-благовестник П.Л. Фролов [5].

Появление **католиков** в Кузбассе связано с миграцией верующих польской национальности: высылкой повстанцев, политических ссыльных (XVIII - XIX вв.) и добровольно переселившихся в 1890-е гг. в Сибирь. В конце XIX в. переселенцами-селянами (поляками, латышами и латгальцами - этнической группой в составе латышей) было основано с. Бороковка (Тяжинский район). Многие из поляков работали на железной дороге, на должностях слесарей и машинистов, как это было на станции Тайга [6, с. 80 - 83]. На территории нынешнего Кузбасса строились храмы преимущественно поблизости от Транссибирской магистрали: в Мариинске (освящен в 1905 году), в Тайге (1912), селе Бороковка (1906).

Достоверных сведений о том, когда первые **иудеи** поселились на территории Кузбасса, нет. Общины были малочисленны и небогаты, что, возможно, не позволяло им содержать раввинов, в обязанности которых входило также и ведение метрических книг, фиксирующих родившихся, бракосочетавшихся и умерших. Исторически евреи компактно проживали в Мариинске (более трети городского населения на начало XX в.) и торговых селах одноименного округа.

Таким образом, в дореволюционный период РПЦ и православие как государственные церковь и религия абсолютно доминировали на территории Сибири и Кузбасса. Православие пришло в Сибирь вместе с Российским государством и русским православным населением, которое принесло в Сибирь не только свои формы социального устройства и трудовой организации, но и православную национальную культуру, которая, трансформируясь под воздействием местных условий, продолжала развиваться как составная часть общерусской культуры. Несомненно, что направления, формы и активность деятельности РПЦ в Сибири определялись, прежде всего, политикой государства и теми задачами, которые ставили перед ней правители России.

Особое значение для православной церкви в Западной Сибири имели «внешняя» и «внутренняя» миссии.

Создание специальных миссионерских структур имело огромное влияние на закрепление территорий, населенных инородцами, в составе государства, а также на развитие организационной структуры церкви, подготовку кадров. Исследователи отмечают, что миссионерская деятельность РПЦ в Синодальный период была наиболее активна и эффективна именно в Сибири.

Следует не согласиться с односторонне пессимистичной оценкой результатов деятельности РПЦ в Сибири в дореволюционный период, которая основывается на тезисе о поверхностном православии и слабой религиозности сибиряков (аргументы: низкая оценка религиозно-нравственного состояния сибиряков в отчетах обер-прокурора Синода и епархиальных архиереев; рост числа отпадений от православия и увеличение сектантов и адептов других религий в нач. XX в., антицерковные настроения населения региона после установления советской власти). Анализ характеристик РПЦ в регионе в нач. XX и в начале XXI вв. позволяет сделать вывод о глубоких «православных корнях» сибиряков [7].

После Октябрьского переворота и Гражданской войны в жизни верующих наступили трудные времена. Как известно, в программных построениях большевистской партии, борьба с религией являлась необходимым условием построения коммунистического общества. Православные приходы Кузбасса особенно пострадали после рейдов в 1919 г. партизанских отрядов Г. Рогова, И. Новоселова, В. Шевелёва-Лубкова и др., которые с особой жестокостью убивали служителей церкви и активистов (около 30 чел.), мародёрствовали и предавали огню культовые сооружения (около двух десятков) [8]. В 1922 г. церкви были еще раз ограблены во время проводимой властями кампании по изъятию ценностей [9]. Сами экспроприаторы при этом признавали, что после партизанских набегов изымать (например, в Щегловском уезде) было практически нечего [10, л. 19].

К концу 1920-х - началу 1930-х гг., пиковому времени в деятельности антирелигиозного общества «Союза безбожников» (с 1929 г. переименован в «Союз воинствующих безбожников»), богоборческие атаки были направлены практически на все религиозные организации. На II Всесоюзном съезде Союза воинствующих безбожников 10 июня 1929 г. приглашенный поэт В. Маяковский недвусмысленно призывал: «Мы можем уже безошибочно различать за католической сутаной маузер фашиста. Мы можем уже безошибочно за поповской рясой различать обрез кулака... Товарищи, обычно дореволюционные ихние собрания и съезды кончались призывом «с богом», - сегодня съезд кончится словами «на бога» [11, с. 376].

«Штурм небес» в это время осуществлялся не только методами безбожной пропаганды и агитации. Показательным примером может служить история закрытия

культовых сооружений в Тайге. В городе, как и на многих узловых железнодорожных станциях Транссиба, вели свою деятельность несколько религиозных организаций - существовали православная, католическая и старообрядческая общины. Застрельщиками ликвидации, как и повсеместно в Сибири, была местная администрация. Тайгинский горсовет 22.03.1929 г. постановил просить окружной исполком о закрытии сразу польского костела, старообрядческого молитвенного дома, и «железнодорожной» православной церкви, которая близко прилегала к дорожному полотну и не «давала возможность местным предприятиям возводить необходимые гражданские сооружения» [12, л. 33, 52-52об.].

Практически незамедлительно, без ведома окрисполкома и соблюдения требуемых формальностей, начались работы по приспособлению зданий «религиозного культа под здание нового назначения». Так как в каменной «железнодорожной» церкви предполагалось организовать «клуб физкультуры», соответственно были произведены демонтажные работы: сняты кресты, колокола, разобран иконостас, снесены стены и демонтировано внутреннее убранство. В польском (католическом) костеле, который был запланирован под здание Осоевьяхима, также были сняты колокола и иконы. Старообрядческая молельня (одноэтажное деревянное здание) была разобрана. Предполагалось использовать материал для районного магазина транспортного Потребительского общества.

После того, руководство окрисполкома было поставлено перед фактом демонтажа конструкций и здания, оно констатировало, что работы были начаты без ведома окружного руководства, «без соблюдения необходимых формальностей и нарушением, нужного, в данном случае, такта», но «целесообразность назначения зданий религиозного культа под здания общественного характера, с практической точки зрения, безусловно, оправдывается» [12, л. 33, 52-52об.]. Краевому руководству, в итоге пришлось лишь постфактум завизировать ликвидацию несколько лет назад закрытых и разрушенных культовых сооружений, и соответственно, религиозных общин.

Закрытие православных приходов проходило непрерывно с разной степенью интенсивности с 1920-х гг. и вплоть до начала Великой Отечественной войны. Максимальная фаза, когда процесс разрушения института РПЦ в Кузбассе, принял необратимый характер пришелся на 1930-е гг. На основе постановлений исполкома Новосибирской области, а ранее Западно-Сибирского края, в 1931 – 1937 гг. было закрыто 40 церквей и молитвенных домов, с 1939 по 1942 гг. – 70 [13, л. 368-370].

На начало 1941 г. на территории Кузбасса не было ни одной действующей церкви. На 1.01.1945 г. в Кемеровской области насчитывалось 164 недействующих здания

РПЦ. Большая их часть была перепрофилирована под хозяйственно-культурные нужды: склады-мастерские - 89 или 54 % от общего числа; клубы и школы - 55 или 34 %. Примерно 12 % зданий не эксплуатировались из-за непригодного состояния и несоответствия стандартам безопасности [13, л. 372-375, 448,453].

До 1937 г. в районах Новосибирской области, отошедших в 1943 г. к вновь образованной Кемеровской области, было зарегистрировано 14 религиозных обществ, из них: мусульмане - 8 общин, евангельских христиан баптистов (ЕХБ) - 3, старообрядцев белокриницкого толка - 2, иудейского вероисповедания - 1 [14, л. 57]. В 1937 г. решением Новосибирского облисполкома общества были распущены, а молитвенные дома закрыты. Положение религиозных «сект» Сибири к концу 1930-х гг., как совершенно правильно отмечал И.Д. Эйнгорн, можно было охарактеризовать как «полный развал» [15, с. 212].

Выделение Кемеровской области 26 января 1943 г. в самостоятельную административную единицу по времени практически совпало с коренными изменениями в вероисповедной политике государства. Точкой поворота в отношениях между верующими и государством большинство историков считают официальный прием И. В. Сталиным иерархов РПЦ осенью 1943 г. Совокупность внутренних и внешних факторов военного времени, сплочение советского народа, включая верующих, против фашистской агрессии, предопределило выстраивание заново конструктивных связей между советской властью и религиозными обществами.

В задачи созданных в области институтов уполномоченных по делам РПЦ (1944) и религиозных культов (далее - РК) (1946) при СМ СССР входили: восстановление учета всех существующих организаций, рассмотрение заявлений о регистрации религиозных обществ и содействии в проведении самой процедуры легализации религиозных сообществ. Регистрация православных приходов в Кемеровской области продолжалась всего в течение трех лет (1945- 1947 гг.). Было зарегистрировано 15 православных церквей, из которых пять типовых и десять молитвенных домов [16, л. 168-169]. По линии РК в 1946-47 гг. «целесообразным» было решение о регистрации пяти общин ЕХБ в гг. Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Осинники, Сталинск и пос. Байдаевка, а также одного мусульманского объединения в г. Прокопьевск [17, л. 19; 18, л. 3]

При этом на учете уполномоченного на 1.07.47 г. числились еще 32 религиозные организации, действующие в явочном порядке: 19 общин ЕХБ, 4 группы пятидесятников, 2 - адвентистов седьмого дня, 3 - старообрядцев бело-криницкого толка, 1 - мусульман, 1 - иудеев, 1- толстовцев, 1 - молокан. Все они, а также нелегальные православные объединения, в той или иной степени, не один раз предпринимали усилия легализовать свои

группы и общины, обзавестись культовыми зданиями и функционировать в законном порядке, но получали отрицательный ответ от властей [14, л. 55-56, 7, 21, 29, 42, 116-117, 196-198, 220]. Из архивных документов известно, что уполномоченному по делам РК из Москвы устно было поручено «не допускать» к регистрации объединения иудеев, старообрядцев, адвентистов, лютеран, католиков и представителей других «нетрадиционных» конфессий [13, л. 111; 19, л. 344].

После 1947 г. стало уже сложно говорить о доброжелательности властей к верующим и религии: регистрации были прекращены, а областное руководство приняло курс на ограничение религиозной деятельности. В 1949 г. была закрыта единственная в Кузбассе легально действующая мусульманская община в г. Прокопьевск. Ее история ведет отсчет с 1931-1933 гг., когда органами НКВД сюда было направлено немалое количество раскулаченных крестьян-спецпереселенцев из числа казанских, уфимских и челябинских башкир и татар. К 1943 г. оформилась умма, а в октябре 1946 г. она была официально зарегистрирована как «ранее действующая». Первоначально посещаемость молебельного дома в дни праздников достигала до 400 человек, на пятничный намаз еженедельно приходило до 70 человек. Однако, в 1949 г. была обнаружена налоговая задолженность в 25 тыс. руб., которую райсовет города потребовал незамедлительно погасить. В соответствии с официальной трактовкой, община была вынуждена заявить о своей несостоятельности и самоликвидировалась [14, л. 236]. В этом же году в г. Гурьевск по указанию председателя горисполкома без разрешения областных властей и СДРПЦ по надуманным основаниям была закрыта православная община, после чего позже Троицкий молитвенный дом был разрушен [20, л. 66-68; 21, л. 25.; 22, л. 170-171]. Властью осуществлялись попытки приостановить деятельность также ряда православных приходов с целью их последующего закрытия.

В сентябре-октябре 1947 г. Уполномоченным РК было отмечено некоторое оживление деятельности мусульманской общины: «в связи с прибытием в Прокопьевский и в соседний Киселевский районы значительного количества вербованных рабочих, в основном, татар и башкир из Казанской и Уфимской областей, которые сейчас работают на шахтах имени «Ворошилова», «Калинина», 3/3 БИО и других. Этот контингент вызвал некоторую религиозную активность среди местного мусульманского населения и особенно среди прибывших, что явилось стимулом к возрождению распадавшейся общины мусульман». Это возрождение характеризовалось тем, что в праздновании Курбан-Байрама 24 октября 1947 года участвовали 600 человек против 50 в 1946 г. [14, л. 82; 23; 4, с. 61].

Мусульманские общины на территории Кузбасса в 1920-30-х гг. существовали в Кемеровском, Тайгинском,

Юргинском, Мариинском, Тисульском, Прокопьевском районах. Национальный состав был представлен местными и приезжими (наемные рабочие и спецпереселенцы) башкирами и татарами. По численному составу мусульмане уступали только православным верующим и евангельским-христианам-баптистам [4, с. 84].

В условиях «оттепели», формально происходящей либерализации общественной жизни и спешного строительства коммунизма, в вероисповедной политике на первый план выдвигались идеологический прессинг и фискально-административное давление, гораздо в меньшей степени, чем в 1930-е гг. были задействованы репрессивные рычаги. Антиклерикальная агитация достигла широкого размаха по многим направлениям. Борьба со стороны власти в этот период в регионе велась против всех конфессий, однако вместе с тем, она носила акцентированно выраженный антисектантский характер. Полагаем, что эта волна антирелигиозных преследований, получившая известность как «хрущевские гонения (1958-1964 гг.)», заслуживает отдельного исследования.

В заключении отметим, что, в целом, в советский период вместе с бескомпромиссной борьбой с религией и религиозными организациями, советская национальная политика была направлена на уничтожение национального гнета и неравенства и установление дружбы между народами, с одной стороны, обеспечивая развитие культуры и экономики всех наций и народов, с другой – формируя новую гражданскую идентичность в СССР путем их сближения на основе принципов интернационализма. По нашему мнению, сохранение национальной культуры стало одной из точек опоры для выживания религиозных конфессий тесно взаимосвязанных с культурными традициями и самоидентификацией народов. Советский период характеризуется волнообразной реализацией государственной конфессиональной политики: от гонений до подконтрольного разрешения деятельности религиозных общин со стороны органов государственной власти и спецслужб. Не случаен, по мнению ряда исследователей тот факт, что действия государства по отношению к религиозным организациям на современном этапе частично обусловлены «чувством вины» за гонения и преследования в советский период.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерошов В.В., Кимеев В.М. Тропой миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово, Кузбассиздат, 1995. – 132 с.
2. Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX–XX вв.): исторические очерки // Кемерово, издательство Кузбассвузиздат, 2007. – 319 с.
3. Старостин А.Н., Бикчантаев Т.А. Мусульманская община Прокопьевска в 1930–2010-е годы: память и преемственность поколений // Minbar. IslamicStudies. 2018. Т. 11, № 4. С. 741–770.
4. Бикчантаев Т.А. Духовное возрождение мусульман Кемеровской области. Выпускная квалификационная работа. Казань, Российский исламский институт, 2029. – 219 с.
5. Кемеровская центральная церковь евангельских христиан-баптистов. Режим доступа: <http://www.svetkemero.ru/ist.php>
6. Островский Л.К. Польское население городов Западной Сибири (1890–1917 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 80–83.
7. Овчинников В.А. История Русской Православной Церкви в Западной Сибири в конце XVI – начале XX вв. – Кемерово: КемГУ, 2013. – 276 с.
8. Горбатов А.В., Мальцев М.А. Православные общины и партизанское движение в Кузбассе в 1919 году // Научный диалог. 2021. № 1. С. 224–240.
9. Горбатов, А.В., Дашковский П.К. Изъятие церковных ценностей органами советской власти в Западной Сибири: итоги и последствия // Религиоведение. 2023. № 2. С. 47–58.
10. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 422.
11. Стенографический отчет Второго Всесоюзного съезда Союза воинствующих безбожников. Акционерное издательское об-во «Безбожник», М. 1930. – 448 с.
12. ГАТО. Ф. Р-195, Оп.1. Д.619.
13. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-964. Оп. 2. Д. 1.
14. ГАКО. Ф. Р- 964. Оп. 1. Д. 9.
15. Эйнгорн И.Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири. – Томск, 1982. – 225 с.
16. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р- 6991. Оп. 2. Д. 24. Л. 1-15; ГАКО.Ф. Р-964. Оп.2. Д. 10.
17. ГАКО. Ф. П- 75. Оп. 8. Д. 316.
18. ГАКО. Ф. 964, Оп. 1. Д. 2.
19. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 2. Д. 3.
20. ГАКО. Ф. П - 75. Оп. 7. Д. 73.
21. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 2. Д. 5.
22. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 2. Д.10.